

ПЬЕР РИШАР — живая «Игрушка» — шел по московской земле «Киноцентра» на первую в своей жизни московскую пресс-конференцию. Корреспонденту «ЭС» удалось задать ему несколько вопросов, не слишком оригинальных, но зато не прозвучавших в конференц-зале. Так что Ришар сейчас общается только с читателями «ЭС».

— Господин Ришар, у меня было в собственном детстве воспоминание, очень, очень яркое: «Игрушки». Ваша...

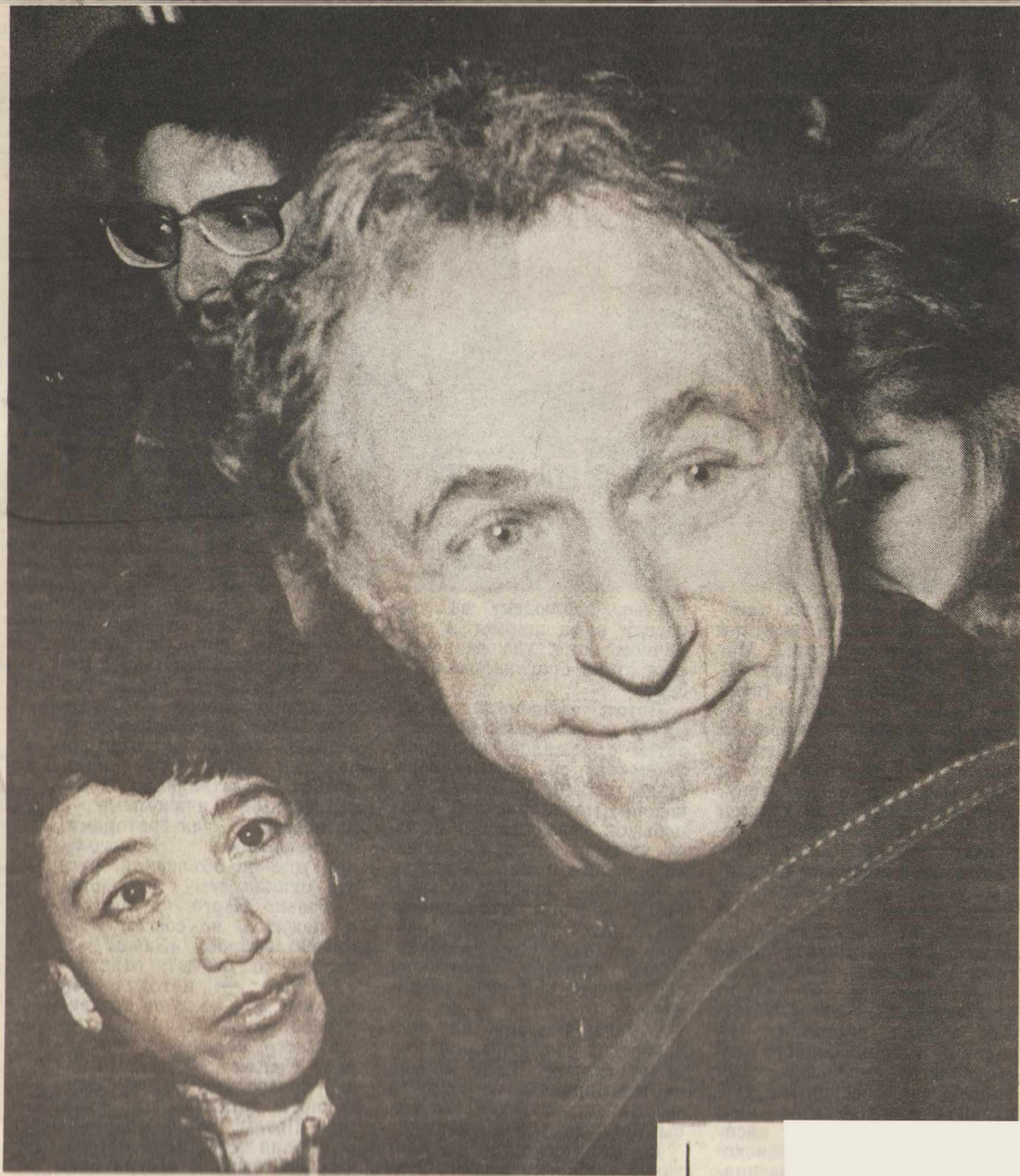
— Вы сейчас не заплачете, нет? Вчера на Красной площади меня увидели какие-то женщины и зарыдали, и закричали: «Ришар, Ришар!».

— Ну, к нам с лета не заезжали Марианны...

— Да, а потом какие-то монголы меня узнали и все кричали: «Ришар, Ришар!». Я сначала растерялся, а потом почувствовал: в уголках глаз влажно.

— Вы в зрительном зале и вы на экране — это один и тот же человек?

— Каждый раз до премьеры мне кажется, что да, конечно. Но вот премьера. Я прихожу в кинозал, сажусь на самый последний ряд, смотрю на себя со стороны и думаю, что за чертовщина. Я словно бы попал в зал с кривыми зеркалами. С одной стороны, человек на экране — это я. С другой — неужели я и в самом деле способен скорчить такую физиономию, совершить такой восхитительный трюк, сказать банальность так, что весь зал грохнет от смеха? Да никогда в жизни. О талантнице, думаю я. И начинаю комплексовать и страшно завидовать этому супермену на экране. Потом, как обычно, начинаются позд-

Пьер Ришар:

«Я В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ, И МЕНЯ ЭТО УСТРАИВАЕТ»

правления. Я приободряюсь и думаю: в самом деле я. Кино — это комната с кривыми зеркалами.

— Вы вдруг занялись режиссурой или не вдруг?

— Вдруг! Но куда более «вдруг» было бы, если бы я занялся, скажем, рисованием или джазом. Кстати, сын у меня джазист. Я избавляю вас от любимого вопроса прессы: а чем занимается ваш сын, господин Ришар?

— Вам понравилось быть режиссером? Извините, я ничего умнее с ходу придумать не могу.

— Мне нравится. Мне вообще нравится процесс сотворения чего-нибудь. Допустим, я встал на лыжню и поехал. Я очень хорошо катаюсь, правда. И мне нравится, что я еду вперед. Понимаете?

— А цель? Когда едете — важна?

— Процесс движения и творчества куда привлекательнее.

— Я только что слышала, что вы собираетесь сниматься у нашего режиссера Гайдая в комедии...

— Мне никто ничего не предлагал. Это, по-моему, сплетня Депардье.

— Вы друзья?

— Друзья? Мы не просто друзья, но только после моего успеха он мне никогда руки не жмет. Я спрашиваю: «Жерар, почему?» Он отвечает: «А чего пожимать, как будто ты звезду открыл. Ты просто чисто сработал по профессии». Я же всегда снимаю трубку и говорю: «Ну, ты сыграл». А он всегда отвечает: «Да иди, ты...» И я слышу частые гудки. Мы, конечно, друзья!

— Но вам, знаете, в популярности тоже не откажешь.

— В общем, не откажешь. Я, кстати, не так давно получил письмо из России от маленького мальчика из города Владивостока. На конверте стояло: Париж, Ришару. Меня это тронуло не меньше, чем слезы на Красной площади. Пусть плачут по мне или Марианне. Слезы — свидетельство человечности.

— Вот вопрос, не столь, впрочем, интеллектуальный, но... По крайней мере Годару наша газета задала его: что вы любите и что ненавидите в жизни?

— Люблю себя, — рассмеялся Ришар, немного подумав. — И ненавижу тоже себя. А что вам ответил Годар?

— То же самое, по-моему. Хорошо, у Гайдая вы сниматься не собираетесь. А вообще вы себя видите в русском кино?

— Я-то вижу, а вот оно меня

нет. Депардье — на редкость гибкий материал: типаж на все времена и жанры. А я — лирический комик.

— Ну, в российском кино сколько угодно лирических комиков...

— Я очень много читал в юности Чехова. И составил по своему, конечно, полное представление о русском герое. Я понимаю, что ваша литература перестит и разными другими именами. Достоевский, например. Однако Чехов — это тот, кто сразу вводит в курс истории, культуры, менталитета. Чехов — «Человеческая комедия» России. Я под этот русский образ не подхожу. Не вмещаюсь — у меня другая конфигурация.

— Вас это не задевает?

— Нет. Хотя бы потому, что я точно знаю, что второго Ришара не существует ни в мире, ни даже в Париже. Я в единственном числе, и меня это устраивает. Другой вопрос, что актерское амплуа — не есть константа. И я меняюсь: меня уже больше не тянет падать с крыши, тонуть в реке и корчить из себя идиота. Эволюция амплуа.

— А может, это более точное объяснение желания стать вдруг режиссером?

— Маленькая провокация?! Режиссура — не отвлечение от непосредственной профессии. Это попытка отдохнуть от нее. И на самой гладкой лыжне должны быть перевалы.

Беседу вела
Натэла МЕСХИ.

Три дня французского фильма в Москве кинематографический люд почтительно называет «неделей». И чтит их важнейшим культурным событием. Так же, как десятки лет назад чтит дни, когда приезжали в Москву Жерар Филип, Ив Монтан, Симона Синьоре, Жан-Луи Трентиньян и их обязательно водили на Красную площадь столицы.

Ничего во французском кино открыты новые звезды. Две, самой крупной величины, прибыли в составе парижской делегации продюсеров и режиссеров почти в двадцать человек. И трех дней им хватило для покорения города.

Депардье, например, вообще за пару минут осуществил самую несбыточную мечту своего горе-соотечественника-императора. Его напористому натиску столица-93 сдалась безоговорочно.

Пока современник Депардье по звездному часу Ришар элегантно делился своими творческими планами с журналистами, полками прибывающими в Шереметьево, Депардье ляпал что-то про русских девушек и грузинский ресторан; требовал живых медведей, играющих балалаек и хохотал, внушая ужас сотрудникам аэропорта.

Коллеги из «Кинопанорамы» вспоминали, что шесть лет назад Депардье уже атаковывал Москву. Его никто не встретил в аэропорту, так он сам добрался до «России» со своим важным английским. В гостинице ему не забронировали номер, он сам себя устроил в люксе и хохотал, как безумный, запугивая нашу бескрайнюю «Россию».

На сей раз сразу после при-

лета, толкая перед собой отужоженного Ришара, Депардье буквально вывалился на сцену кинотеатра «Октябрь», забыв снять дорожную куртку, а потом велел всем идти на Красную площадь напрямик в Мавзолей. Уговорам сопровождающих о позднем для посещения достопримечательности часе не внял и учинил на исторической площади легкий переполох, в результате чего собравшиеся вокруг пожилые женщины, миллионеры и случайно проходящие поблизости монголы опознали в Ришаре Ришара. И он умылся слезами гостеприимства и славой.

На другой день слава Ришара удвоилась за счет порции любви, уготовленной москвичами Депардье, ибо последний ни на одну из предполагаемых пресс-конференций не явился. Только заскочил на двадцать минут в «Киноцентр» проверить, жив ли заласканный за двоих Ришар, там заглотнул шампанского и увернулся от съемок «Кинопанорамы». В Мавзолей нелюдимое светило тоже не пошло и отправилось на ночь глядя прямо по следам великого Наполеона — в Бородину, то ли исправлять ошибки императора, то ли выбирать натуру для съемок кино про Распутина.

А французские фильмы на тот временной момент шли при полных залах своим чередом. И особенным успехом пользовалась комедия «Невезучие» с участием обонх вышеупомянутых звезд, новая картина Клода Миллера с нашей Еленой Сафоновой и «Сирано де Бержерак», естественно, с Депардье.

Впрочем, собственно о кино читайте в следующем номере «ЭС». А пока — о звездах.